

Л. Фоменко

НА ПОДСТУПАХ

У каждой профессии есть увлекательная и будничная стороны. Одни смотрят на свой труд, как на скучную повседневную обязанность, и тогда он не приносит никакой радости. Если же ты идешь к людям с открытым сердцем и хочешь принести им максимальную пользу, — ты непременно откроешь в любом «негероическом» деле красоту подвига, достоинство, радость. Бывают такие люди: стоит им прикоснуться своими, словно бы волшебными руками к любому делу, и они обязательно извлекут из него творческий родничок.

Труд учителя. Посмотришь на него унылым, тусклым взглядом, — и покажется он нестерпимо вялым, серым, однообразным. Но стоит только человеку — если он человек, а не манекен — оглянуться, взвесить результат своих трудов, увидеть, сколько «разумного, доброго, вечного» посеял он в душах своих питомцев, — и засветятся радостью его глаза.

...Не так давно мне пришлось видеть такого человека в молодежном интернате машиностроительного завода в городе Узловая, Тульской области.

Молодая девушка, комсомолка Рая Култыгина всю свою энергию без остатка отдает воспитанию молодых рабочих. У нее и должность такая — воспитательница. Целые дни и длинные вечера проводит она среди своих «хлопцев и девчат». «Нервничает, злишься, даже чувствуешь, что портится характер, — жалуется она, — иной раз до того доведут, что, кажется, бежала бы куда глаза глядят».

Раю не раз приглашали на более

«спокойные» должности, но она остается в общежитии.

Мы шли с нею по улицам Узловой от горкома до интерната. В лицо била пурга, тротуары занесло снегом, ветер мешал говорить, и как бы в тон завыванию ветра Рая жаловалась и ныла, и все говорила, говорила о своей усталости. Потом выяснилось, что перед этим у нее была бурная беседа с молодежью по каким-то материально-бытовым вопросам.

Но вот мы пришли. В отлично оборудованном красном уголке уютно расположилась молодежь, и мы стали говорить по душам о нашей литературе. Сначала беседа плохо клеилась, потом разговорились, и как-то неожиданно в центре оказался новый роман Владимира Тендрякова «За бегущим днем».

...Возвращались мы снова с Раей, и нужно было видеть, как она преобразилась! Куда делись жалобы, раздражительность? «Вы заметили того парнишку в голубой майке, который все вопросы задавал?» — спросила она и тут же, торопясь, рассказала о большой, наполненной жизни молодого рабочего. И то, что он был членом бригады коммунистического труда, и его успехи в вечернем техникуме, и недавно справленная комсомольская свадьба будто были и ее личными достижениями и делами. И долго она еще рассказывала о том, как растут ребята, как на ее глазах многие уже далеко шагнули на жизненном пути.

Раскрылась передо мной (да и прежде всего перед самой собой) помог Рае разговор о новой книге. Писатель ответил на какие-то важные жизненные вопросы. Ведь литература только тогда и имеет смысл, когда она отвечает на вопросы жизни. И этим бесценным качеством обладают книги Тендрякова, хотя

инные из них представляются мне спорными. Не скажу, чтобы молодые мои собеседники-машиностроители все и до конца приняли в романе Тендрякова. Но основная тема, главный его смысл побудили их к размышлению, натолкнули на оценку каких-то своих поступков, пробудили мысль и чувства.

* * *

Владимир Тендряков — писатель большой гражданской темы. Это стало ясно с первых же шагов его литературной деятельности, которая началась не так давно. Его герой, как правило, непримиримый, борющийся человек, гуманист. Но все же еще рано говорить о том, что писательский почерк Владимира Тендрякова вполне определился и творческая его манера уже сложилась. Одни его вещи «единогласно» признаны превосходными, жизненными, художественно точными («Не ко двору», «Падение Ивана Чупрова», «Ухабы»), другие — оспариваются, оцениваются по-разному.

«За бегущим днем» — роман интересный, проблемный, но тоже спорный. Это книга о нашей жизни, о становлении личности современника, — вот почему он так взволновал молодых рабочих, у которых я побывала в гостях. Это — роман-биография. В центре его — Андрей Бирюков, чья судьба от начала и до конца произведения остается для писателя главной. Ограничив книгу в основном судьбой одного человека, автор не претендовал, разумеется, на эпический охват событий, на широту картин жизни общества. Черты народные писатель стремился воплотить в одной человеческой биографии, но так, чтобы в ней были явственно прочерчены приметы нашего кипучего времени.

Путь мечтателя к большому общественно-полезному будущему — вот основная проблема книги. Андрей предьявляет к своему будущему большой счет. Он понимает, что наступила пора, когда человек не может, не имеет права жить в половину своих возможностей. «От каждого по способностям» — таков девиз современности. Андрей в юности уяснил себе эту истину коммунистического века.

Много в Андрее хорошего, чистого. Особенно интересен этот образ в первых главах книги. Поступив на художественный факультет ВГИКа, Андрей понял вдруг, что «учился для того, чтобы стать посредственностью». Этот афоризм родился в муках: Андрей увидел, насколько ничтожны его способности к живописи, как убоги его рисунки рядом с полотнами сокурсников. Стать посредственностью... Но об этом ли мечталось? И Бирюков находит в себе мужество уйти из института, уступив место более одаренным. Это один из тех немногих активных поступков, которыми отмечен путь Бирюкова.

Андрей хочет стать большим человеком, максимально полезным народу. По-

лучив педагогическое образование, он уезжает в сельский район. И тут-то героя подстерегает опасность облениться душой и умом, притерпеться к каждодневной монотонности школьных занятий, привыкнуть к автоматизму повседневноности. Тендряков сочно, с присущими ему обличительными нотками в голосе, говорит об опасности мешанской тины, которую таит в себе каждое дело, если подходить к нему с холодной душой.

«Я теперь без ошибки знаю, что у меня впереди: село или маленький городок, похожий на Густой Бор, тропинка, в течение многих лет пробитая от крыльца дома к школе, черная доска с куском мела и мокрой тряпкой, детские глаза, обращенные в мою сторону, рассуждения о деепричастных оборотах и сатирической стороне образа премудрого пескаря. Дома по вечерам уютный свет настольной лампы, стопки ученических тетрадей на столе, ряды книг за спиной на шатких полочках, приложенных к стене своими руками... Сельский учитель!»

И героиня романа Валентина Павловна Ващенко жалуется на то, что если бы она стала зубным врачом, как собиралась в молодости, то ей всю жизнь приходилось бы «открывать чужие пасти». Газетным же работником не стала она потому, что не захотела «причесывать статьи, сокращать под размер колонок очерки, ворошить с холодным сердцем писанину, которой суждено прожить всего один день».

Но все эти специальности вдруг заискрятся, заблещут новизной, говорит автор, принесут радость творчества, если относиться к делу по-коммунистически.

Лучшие страницы романа и посвящены тому, как, преодолев тину повседневноности, Андрей находит в себе силы для поиска того родничка, который горячее сердце отыщет в каждой профессии. Мечты героя начинают конкретизироваться.

Вот Андрей следит как зачарованный за спутником, проплывающим высоко в небе: «По загарьевскому небу, не торопясь, с должным достоинством, плывет среди звезд новое небесное тело, сгусток материи, сотворенный людскими руками, светлый узелок, связывающий эту минуту с будущим».

И мои мысли, мысли самого земного, самого обычного из людей, не умеющего проникать ни в величественные тайны космоса, ни в секреты грозного атомного ядра, мои мысли начинают бунтовать, мечты становятся пугающе дерзкими.

Класс, парты, доска у стены, кусок мела, чертящий коренные согласные или выделяющий запятыми деепричастные обороты, — вот мой день, который я только что прожил. Я хочу сейчас, чтоб лица детей при объяснении деепричастных оборотов или теоремы Пифагора горели возбуждением, в детских глазах прорывалась страсть: понять! проникнуть! запомнить!.. Я хочу... Но меня теперь рас-

пирает дерзость, я хочу многого. Почему бы мне не мечтать с размахом?»

Мечта с размахом! Да, конечно, это стержень характера современного человека. Это именно те черты, которые привлекли к книге Тендрякова внимание молодых рабочих. Но, по совести говоря, привлекли их принципы отношения к делу, а не самая суть дела. Со стороны педагогов уже слышны серьезные нарекания, один учитель в Калуге недавно сказал мне очень резко: «Простите, но Тендряков совсем не знает школы и работы словесника». Об этом же говорят и московские учителя, с которыми мне пришлось говорить на читательских конференциях.

И нельзя не согласиться с этими претензиями. Ждешь, что писатель даст герою понять, приведет его к единственно верному выводу: истинные поиски творчества в педагогике — теснейшая и увлекательнейшая связь ее с жизнью. От этого глубокого принципа, а не от формы урока нужно было исходить автору.

И еще один упрек направляется сам собой. Процесс обучения зависит не только от личности учителя. Нельзя писать о его работе, не видя детей, этих разных по характеру и задаткам людей. А у Тендрякова ученики лишь мелькают, они — объекты для опытов Бирюкова.

Но так или иначе, драка за творческий метод преподавания, борьба с равнодушным и бесстрастным директором школы Степана Артемовича, с самодурством и бюрократизмом заведующей РОНО Ковиной — все это подняло на какое-то время образ Бирюкова.

Характер Бирюкова лишен цельности, и поступки его поэтому подчас противоречивы. То перед нами волевой человек, то вдруг он до странности меняется, впадает в рефлексию, мучительно думает «быть или не быть» тому или другому его поступку, или попросту отдается на волю житейских волн.

«У меня большие планы на жизнь, — заявляет Андрей в начале книги. — Я не могу согласиться на то, чтобы давать людям меньше других... Ты должен стать рядом с лучшими, и только там твое место!»

Но что Андрей делает для осуществления такой максимальной программы? С чем идет он к народу?

Тоска по значительному герою, по типу Большого человека, о ком еще говорил Алексей Толстой, — эта тоска характерна и для современного читателя. Ему дорога каждая попытка создания образа сильного современника. По первым шагам Бирюкова решаешь, вот он — сильный герой, пример для молодежи. Какое благородство, активность, воля! А потом, куда направляется эта воля?

После эпизода с художественным факультетом, написанного с психологической достоверностью, поэтически аргументированного, идут долгие страницы

полуочерковой информации о том, как жизнь бросала Андрея из стороны в сторону по воле случая. Случайно был встречен в поезде старый учитель. Случайно, остановившись в одном из сибирских городов, Бирюков поступает в педагогический институт, избирает специальность преподавателя русского языка и литературы. В этой беглой справке о дальнейшей судьбе Андрея нет никаких эмоций; почему именно литературу выбрал Андрей? Потому что она ему всего дороже или всего легче? Нас не ставят об этом в известность, хотя профессия Андреем выбирается на всю жизнь.

Сжато информировано о том, что было с Бирюковым за четыре года учения, автор переносит нас в Загарье, на место новой работы, где поселился Андрей со своей женой Тоней. Проходит шесть лет «служебной лямки», без огня, без любви к делу. И вот — взрыв. Загорается огонек творчества. В Андрее проснулась та, еще юношеская, большая мечта.

К сожалению, автор не прибегает к художественной мотивировке, не анализирует, как пришел молодой учитель к жажде творчества после шести лет уныло однообразного преподавания, что послужило толчком к обновлению. Но как бы то ни было, в один прекрасный день жажда творчества целиком захватила героя. Инертный человек вдруг становится мужественным, действенным борцом. Как будто с колебаниями и рефлексией покончено. Однако Тендрякову трудно удержать Андрея на этой высокой благородной позиции, потому что взял он в герою человека с маленькими крыльями.

* * *

В романе Тендрякова Бирюкову отведено не только место человека, ищущего применения своим силам. «За бегущим днем» — роман о большой любви. Жизнь человека без любви пуста. В сильном чувстве тоже проявляется характер человека. Тендряков хочет рассказать об этом в своем произведении.

На пути Бирюкова встает Валентина Павловна Ващенко — жена секретаря райкома. Выясняется, что Ващенкова прошла тот же путь исканий, что и Андрей. Но она быстрее, чем он, отступила от своих поисков: муж, дочь, дом, — словом, семья стала ее микромиром, хотя он ее и не удовлетворяет. Встреча с Андреем разбила ее прежние мысли, вспыхнуло молодое, сильное чувство.

И вот уже автор во власти нового сюжета; борьба и победа в творческом поиске отодвигаются на второй план. Теперь идут прежде всего рассуждения о чувстве. Именно рассуждения. Существует термин: эмоциональная грамотность. Бывает так, что даже очень талантливый писатель недостаточно грамотен по этой части. По-моему, любовь — это та сфера изображения жизни, которая еще не дается Тендрякову. В романе часто упо-

требуется слово любовь, но нет той атмосферы чувства, которая вовлекает читателя в интимную жизнь героев. Очень много в романе эмоциональной риторики. А ведь язык любви немногословен.

Вот Бирюков и Валентина возвращаются из города, куда они ездили вдвоем, он — на совещание, где обсуждался его метод преподавания, — она — чтобы развеяться, развлечься, как сформулировал цель ее поездки Ващенко. Андрей смотрит в окно: «Обжитая зеленая земля! Крыши домов разбросаны на ней. Под каждой крышей свои человеческие судьбы, простые и бесхитростные, путанные и трудные. Попробуйте, люди, осудите меня за это счастье, что стою рядом с женщиной, которая по закону принадлежит не мне, попробуйте это счастье назвать порочным! Я отвечу, что порочного счастья вообще не существует, его выдумали завистники, те, кто перестал понимать одну простую истину, что снисходительность так же нужна, как и непримиримость, лишь бы то и другое употреблялось к месту».

Все-таки Тендряков испытывает какую-то неловкость от такого поворота сюжета, если заранее отвечает своим возможным оппонентам. Только напрасно кажется ему, что счастье Андрея и Валентины может быть воспринято как порочное. Нет, не в этом дело. Мировая литература знала немало примеров высокой поэтизации такого чувства. Никому не приходило в голову назвать «порочным» счастье Анны и Вронского, Аксиньи и Григория. Видимо, дело в глубине чувства, в красках, во всем том, чего еще не хватало Тендрякову.

Эти недостатки проявились прежде всего в решении образа Валентины Павловны. Видимо, замысел был таков, чтобы показать, как раскрывается душа женщины со всей полнотой и самоотверженностью, когда в ее любви нуждаются, когда она знает: без нее любимому трудно. Андрею нужна была моральная и духовная поддержка, помощь человека, который бы его понимал. И вот Валентина становится таким духовным «костылем» для героя книги. Но по каким данным? Откуда у нее сила духа? Где взяла упорство и волю эта «домашняя» женщина, к тому же сама нуждающаяся в поддержке?

Знает ли писатель, что такое горе матери? Видел ли он его близко? Если бы видел, то не стал бы в такой жесткой манере информировать нас о том, как умерла Аня и что потом произошло с Валентиной Павловной. Место Ани в сердце Валентины Павловны сразу же занял Андрей Бирюков. Ни одним штрихом не подчеркнута, что у женщины огромное горе, все внимание, все мысли ее теперь сосредоточены только на Бирюкове. Удивительно неуксусно написал об этом Тендряков, умеющий в других случаях быть тонким, вздумчивым, порой трепетным художником. Смерть Ани оказалась

лишь сюжетным ходом, развязавшим руки Валентине Павловне.

Но вот Ващенко словно бы сам отдает Валентину Бирюкову. Валентина и Андрей поселяются на краю Загарья, в маленькой хатенке, где им хорошо вдвоем... несколько дней. И опять начинаются сомнения, вздохи, ощущение бессилия, колебания.

Вот характерные мысли достигшего как будто полноты счастья Андрея:

«С Василием Тихоновичем помириться не могу. Коковиной и Тамаре Константиновне не могу сопротивляться. Писать в область? А там Павел Столбцов, теперь то мне известно, как надаются на его поддержку. Потребовать нового обсуждения? Резонно спросит: «Где вы, дорогой товарищ, раньше были?» Бессилен!

Дома ждет... любящая... слепо верящая Валя. Я должен делать вид, что достоин ее любви, веры, жертвы... А это обман. Бессилен что-либо сделать...

Так шел наш медовый месяц».

Вот основные тона, в которые окрашена вся заключительная часть романа. Счастье как будто достигнуто, но его нет. Бирюкову кажется невозможным сломать лед бездушия и кости. При первых же неудачах герой романа слабеет, никнет, превращается в хлюпика.

Рядом с Бирюковым изображен Василий Тихонович, преподаватель физики. Человек долга и чести, подлинный творец, он незаметно, исподволь прививает ребятам любовь к труду, стремится приблизить школу к жизни. Ему отведено немного страниц. Но ясно видишь, сколько наносного и лишнего у Андрея и как все естественно у Василия, хотя у него и нет такой широкой программы, он ее не декларирует. Но это единственный в романе подлинно самоотверженный работник подпольного, каких у нас в советской школе сотни тысяч. Они живут своей профессией, честно трудятся, всемерно отдавая своему делу, воспитывают и обучают детей, — и это и есть подлинный героизм.

На этом фоне иные размышления Андрея воспринимаешь как декламацию.

Набросав вокруг Андрея портреты многих других действующих лиц, автор не всегда заботился о художественной аргументации их поступков. Это относится прежде всего к образу директора школы Степана Артемовича. По каким внутренним побуждениям он с самого начала берет под сомнение поиск Андрея? Еще до посещения урока Андрея он становится противником самого порыва учителя. Почему первое его побуждение — уволить Андрея? В чем тут правда? Все это отдает тенденцией, на какую не был до сих пор способен Тендряков, чьи книги привлекали к себе правдой, основанной на знании жизни.

Ведь если Княжев в «Ухабах» совершил моральное преступление, то автор нам точно раскрыл побудительные причины этого поступка. Когда же Степан Ар-

темович, всю жизнь проработавший в школе, человек субъективно честный, живет по мерке земских учителей и становится вредным для школы, — этому факту в романе объяснения нет.

* * *

Когда внимательно вчитаясь в роман Тендрякова и сопоставишь его с другими книгами писателя, невольно напрашивается вывод, что и сама форма объемного произведения пока еще для Тендрякова «тугой узел». Какие новеллы и небольшие повести выходят из-под его пера! Как точны там все детали, как динамична композиция!

В новом романе есть главы, которые будто сами просятся стать отдельным произведением. Так, эпизод с художественным факультетом ВГИКа — замечательная новелла, с сильным характером героя, с динамично развертывающимися событиями; здесь точно схвачена обстановка, аргументированы поступки героев, выразителен язык.

Сильно, по-граждански, выражена большая общественная тема в середине романа, когда перед нами проходит творческий поиск Андрея. Его увлекательные уроки, пробуждение в ребятах активности, мысли о мастерстве учителя, о тесной связи школы с жизнью — все это сколочено воедино, обрамлено, отточено и тоже словно бы просится в отдельную повесть (несмотря на то, что сама методика урока вызывает споры).

Хороши зарисовки рыбной ловли. Это — как рассказ, небольшой, поэтичный, с раздумьями, с яркими красками. Но сцена борьбы Андрея с противниками, история его любви к Валентине и некоторые другие эпизоды присоединяются друг к другу искусственно, язык утрачивает свою выразительность, главы размываются бесконечной рефлексией героя, и в самой структуре вещи начинается ощущаться какое-то бессилие, столь характерное для Андрея последних глав.

То там, то здесь мы встречаем такие надрывно-мелодраматические внутренние монологи героя: «Валя, Валя! На что ты надеешься? Как ты можешь меня оправдывать? Ведь я же предал тебя! Я даже не могу сейчас с тобой встречаться. Я должен делать вид, что я добропорядочный семьянин, что забыл о тебе, зачеркнул тебя в душе. Каждый день, каждый час тебя вспоминаю. Но тебе-то от этого не легче. Зачем ты мучаешь себя, мучаешь меня? Я оборвал, ты не рвешь, ты надеешься. Валя, Валя! Не обманывай себя, отвернись и прости, если можешь. А не простишь, твои упреки, твою обиду приму как должное, по праву заслуженное».

Совсем непохоже все это на твердый мужской почерк Тендрякова.

...Проживший половину своей нелегкой жизни, добившийся признания своих поисков и большого личного счастья, Андрей говорит: «Я мечтаю о жизни... Люди, чей ум и чьи руки создали спутник, бросили его к звездам, вряд ли доживут до того дня, когда первый звездолет, оставив за бортом последнюю планету солнечной системы, понесется на неверный свет Альфы Центавра. Они мечтают об этом, но не надеются стать живыми свидетелями осуществления своей мечты. И я не все свои мечты выполняю своими руками. Их подхватят те, кто станет жить после меня. Исчезнет мое тело, забудется мое имя, но мои мечты, мои желания станут жить, изменяясь и совершенствуясь. В этом моя бессмертность, в этом смысл моей нынешней жизни, с ее скромными победами и неудачами, с радостями и горестями, неизбежными заблуждениями, — смысл жизни обычного сельского учителя».

Вот та высокая позиция, которой меряются дела нашего современника. Тендряков сумел поднять героя до такой ответственной высоты, хотя и не всегда удерживал его на ней. Андрей Бирюков — еще не тот образ современника, которого читатель ждет от талантливого прозаика Тендрякова.

Это лишь подступы к его созданию.